Памятник Александру III — самый странный в Петербурге. Начать хотя бы с того, что трудно описать его местоположение | **15**

Тематическое приложение к газете **Коммерсантъ**

Наследие

Среда 25 декабря 2019 №238 (6718 с момента возобновления издания) **spb.kommersant.ru**

Цветные тематические страницы №13–16
являются составной частью газеты «Коммерсантъ».
Зарегистрировано в Роскомнадзоре ПИ № ФС77-76924 9 октября 2019 года.
Распространяются только в составе газеты.
Подписчики получат цветные тематические страницы:
«Дом», «Телеком», «Банк», «Страхование», «Лизинг», «Стиль» и другие.

14 | Филипп Грибанов: «Наш главный принцип — соблюдать интересы Петербурга»

15 | Рафаэль Даянов: «Мы должны оставить потомкам красивый город»

Сохранение исторического облика Петербурга всегда было и остается вопросом, который вызывает обширные дискуссии. Особые споры касаются высотного строительства и охраны так называемой «небесной линии» города.

Зигзаги небесной линии

— исторический облик —

АЛЕКСАНДР КОРЯКОВ

Понятие «небесная линия» ввел Дмитрий Лихачев, рассуждая о формировании внешнего облика города. Впоследствии этим словосочетанием стало принято называть архитектурный образ очертаний исторических зданий города

Специалисты неустанно напоминают, что целостный архитектурный ландшафт города формировался несколько столетий в условиях жесткого градостроительного регулирования, в том числе относительно планировки кварталов. Достаточно вспомнить о распоряжениях возводить дома вдоль улиц по «красным линиям и в один горизонт» или застройку «единой фасадой». При этом практически до начала XX века все строительство происходило в соответствии со званиями и чинами владельцев домов. Как поясняет профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина Российской академии художеств Владимир Лисовский, это говорит о том, что абсолютные размеры архитектурных доминант не регламентировались и «определялись лишь пожеланиями заказчиков и реальными техническими возможностями, а также идеологическими, художественными и градостроительными соображениями». Кардинальные изменения стали происходить в конце XIX века вплоть до 80-х годов прошлого. Это период революционных потрясений, сноса памятников и монументов, последствий войны и дальнейших перестроек города в 50-х и 60-х годах. «Исторически ограничения по высотности в Петербурге были всегда, еще с царских времен выше карниза Зимнего дворца можно было строить только церкви. Петербург всегда был плоским городом с доминантами в виде церквей и соборов. Хотя уже в XIX веке в процессе индустриализации вдоль набережных появились заводы с большим количеством высоких дымовых труб»,— напоминает генеральный директор Knight Frank St Petersburg Николай Пашков.

По горизонтали

Понятие «небесная линия» ввел Дмитрий Лихачев, рассуждая о формировании внешнего облика города. Впоследствии этим словосочетанием стало принято называть архитектурный образ очертаний исторических зданий города. Дмитрий Лихачев обозначил в качестве характерной градостроительной черты Ленинграда преобладание горизонталей над вертикалями. И действительно, долгие годы основными доминантами были Петропавловский собор, Адмиралтейство и Михайловский замок.

Дмитрий Лихачев также обозначил и здания, которые нарушали доминирующее значение горизонталей в городе. В их числе оказалась, к примеру, гостиница «Санкт-Петербург» (ранее — «Ленинград»). По его мнению, горизонтали отеля совершенно не согласуются с горизонталями Большой Невы. «Легко можно было бы включить в горизонтали города постройки набережных Большой Невки, но здесь нарушен принцип сплошной, „ленточной“ застройки»,— считал он. Другим существенным нарушением образа города, по мнению Дмитрия Лихачева, стала гостиница «Советская» (в настоящее время «Азимут Отель Санкт-Петербург»). «Здания резко разновысотные, поставленные изолированно, нарушают типичную для Ленинграда небесную линию, создают мрачную хаотичность»,— отмечал он.

Спустя несколько десятилетий выражение «небесная линия» приобретет больший вес и будет звучать все чаще при обсуждении развития города. Одни из наиболее резонансных объектов, построенных в последние десятилетия, — это здание Товарно-фондовой биржи и комплекс «Финансист» на Васильевском острове, торговый центр «Стокманн» на углу Невского проспекта и улицы Восстания, жилой комплекс «Монблан» на Большом Сампсониевском проспекте. Последние масштабные стройки, к примеру новый стадион на Крестовском, тоже, по мнению некоторых, скорректировали панораму города.

По словам представителя Фонда содействия строительству культовых сооружений Русской православной церкви в Санкт-Петербурге Филиппа Грибанова, объекты, которые когда-либо меняли «небесную линию», были всегда: с самого основания Петербурга. «Не надо забывать, что раньше доминантой выступало и Конюшенное ведомство, на котором был шпиль, как на Адмиралтействе, но мало кто об этом знает. Если говорить о временах ближе к современности, то это телебашня, которая, на мой взгляд, ничуть не испортила небесную линию Петербурга. Да, это инженерное сооружение, но архитектурно оно вписалось в ландшафт. „Лахта-центр“ не так сильно, конечно, виден из центра города, но также не повредил небесной линии, он выглядит аккуратно и гармонично, удачное цветовое и архитектурное решение»,— говорит Филипп Грибанов.

Не правовое понятие

Партнер, руководитель практики по недвижимости и инвестициям «Качкин и Партнеры» Дмитрий Некрестьянов считает, что охрана небесной линии — это извращенное регулирование высотности, которое отличается субъективизмом восприятия. «Данный способ регулирования является особенностью Санкт-Петербурга в силу исторических особенностей создания города, где высота всегда регулировалась достаточно строго и в основном через критерий сравнения „не выше чем...“. Это во многом связано с особенностью местного рельефа, где практически нет перепадов естественных высот, что отличает наш город от многих других. В Москве, например, тоже есть такой механизм, как оценка визуально-ландшафтного восприятия пространства, но он применяется исключительно как резервный механизм регулирования высотности»,— поясняет Дмитрий Некрестьянов. По его мнению, необходимо помнить, что урбанистика и цивилизация шагнули далеко вперед и практически невозможно сохранить небесную линию нетронутой, так как любое строительство так или иначе сказывается на ее восприятии. «Представляется, что регулировать „сохранение небесной линии“ все же абсурдно, и надо себе честно признаться, что только через регулирование в измеряемых и понятных величинах мы сможем избежать рисков полной дисгармонии в восприятии города»,— считает Дмитрий Некрестьянов.

Филипп Грибанов считает, что никаких дополнительных законодательных ограничений не требуется. «Подходить к сохранению небесной линии нужно с точки зрения ее природы, которая как раз подчеркивается высотными доминантами. Но здесь мы должны быть осторожными, потому что эти высотные доминанты должны быть истинными шедеврами, которые украсят город на столетия вперед»,— рассуждает Филипп Грибанов. Николай Пашков называет небесную линию романтической идеей постсоветской интеллигенции. «Безусловно, ограничение высотности, как и плотности, застройки должно присутствовать в любом нормальном градостроительном регулировании. Оно есть во многих городах мира в разных вариантах: это и высотность, и видовые коридоры, например в Ванкувере можно с любой точки города видеть горы. Такое регулирование в принципе должно присутствовать по совокупности обстоятельств, а не только из-за небесной линии как таковой»,— отмечает Николай Пашков.

Директор по развитию строительно-инвестиционного холдинга «Аквилон Инвест» Виталий Коробов напоминает, что архитектурные доминанты в развитых городах были всегда. «Их роль, как правило, выполняли храмы. Для новых районов современной застройки они также могут быть актуальны. Город не может до бесконечности разрастаться в ширину. Технически сложные, современные и концептуально проработанные высотные здания задают новый вектор развития городской среды, становятся новыми точками притяжения. Если есть возможность строить технологичные высокие здания, которые украсили бы город, почему бы этого не делать? Важно, чтобы такие объекты гармонично вписывались в среду и были удобны для главных пользователей — горожан и гостей города. Для этого мало просто построить высокое здание, необходимо предусмотреть большое количество инфраструктурных объектов, общественных пространств, зеленых зон, паркингов. И эти вопросы необходимо строго регулировать законодательно»,— уверен Виталий Коробов.

Арина Макарова

Принять непривычное

—общественное мнение —

Восстановление утраченных архитектурных доминант в Петербурге — вопрос неоднозначный, поскольку любое вмешательство в исторический центр вызывает у жителей и градозащитников определенные опасения. Тем не менее, как показал проведенный социологический опрос, горожане готовы к диалогу, если проект кажется им интересным. Профессиональное сообщество, в свою очередь, говорит о восстановлении исторических связей и возвращении исторического облика города.

В конце ноября текущего года Институтом современного государственного развития среди был проведен социологический опрос с целью выявления наиболее актуальных проблем, относящихся к вопросам городской среды, а также сохранения, реставрации и восстановления памятников архитектуры, определяющих облик Санкт-Петербурга. Как показали результаты исследования, жестких противников восстановления утраченных или нереализованных зданий и сооружений, если они задуманы выдающимися архитекторами в своих проектах, оказалось немного.

Показательные результаты

«Позиция определенной группы градозащитников, говорящих, что ничего не нужно менять, как оказалось, массовой поддержки не имеет. В основном люди готовы к изменениям. Готовность к началу диалога — большая и подавляющая. Кроме того, есть даже те, кто считает изменения необходимыми»,— говорит Дмитрий Солонников, директор Института современного государственного развития. Так, противников первоначально задуманных проектов, ответивших «нет, категорически ничего изменять нельзя», оказалось 13,1%, следует из результатов проведенного опроса. При этом вариант ответа «нет, но, посмотреть, как это должно было выглядеть, было бы интересно» выбрали 20,5% опрошенных. Наибольший интерес для социологов представлял вариант ответа «да, если задуманный проект интересный, то его можно вынести на публичное обсуждение». Его выбрали 41,5% опрошенных жителей.

По словам Дмитрия Солонникова, довольно высокий процент тех, кто готов обсудить реализацию таких проектов, говорит о готовности к диалогу — с властями, проектными организациями, экспертным сообществом. «Это интересный результат исследования. Люди хотят принять личное участие в решении подобных вопросов. Это важно для всех заинтересованных сторон»,— добавляет эксперт.

Иррациональное «против»

Тем не менее ряд экспертов отмечает, что в Петербурге особое отношение к привычному окружению и поэтому любые изменения в облике даже на этапе обсуждения вызывают несколько негативную реакцию.

«Петербуржцы не готовы к переменам в облике города. Рационального зерна в непринятии изменений облика, в том числе в отношении доминант, мы не видим. Скорее всего, дело в иррациональном страхе любых серьезных изменений и оставшейся от советских времен тяге к псевдостабильности, граничащей с застоем»,— считает Ольга Шарыгина, вице-президент Becar Asset Management.

С ней солидарен Михаил Кондиайн, соучредитель Архитектурного бюро «Земцов, Кондиайн и партнеры», отмечающий, что за 70 лет так называемого застоя в Петербурге, особенно в его центральной части, не возводилось практически ничего более или менее достойного. «А в 1990-е годы, когда начала появляться архитектурная активность, недостаточная культура некоторых заказчиков привела к градостроительным ошибкам, в том числе испортившим небесную линию города. Неудивительно, что горожане теперь в принципе очень негативно настроены в отношении чего-либо нового. Но я считаю, что маятник качается в разные стороны — и ситуация со временем изменится»,— делится своим мнением господин Кондиайн.

По мнению соучредителя Архитектурного бюро «Земцов, Кондиайн и партнеры», когда воссоздается что-либо утраченное, например храм, то это в первый момент может вызывать у части населения некоторый негатив. «Поскольку, образно говоря, новое здание будет так называемым новоделом и сделано не из тех же самых камней, что были раньше. Но потом все встанет на свои места. Храмы были доминантами в своем ареале и выполняли градостроительную и архитектурную роль, и важно эту роль снова за ними закрепить»,— говорит господин Кондиайн.

Госпожа Шарыгина говорит, что исключением из общего негативного настроя со стороны населения можно считать реставрацию исторических зданий без последующей эксплуатации, по крайней мере коммерческой. При этом, по мнению эксперта, есть надежда на ассимилировавшихся петербуржцев, которые приехали в город в период жизни одного-двух поколений. «Их взгляды на городской облик более прагматичны, и они чаще одобряют реставрацию зданий именно под современное приспособление и актуальное использование»,— говорит она.

с14